

СОДЕРЖАНИЕ

ОРФЕЙ СПУСКАЕТСЯ В АД 3

СЛАДКОГОЛОСАЯ ПТИЦА ЮНОСТИ 133

ОРФЕЙ СПУСКАЕТСЯ В АД

Действующие лица

Долли Хэмма.
Бьюла Биннингс.
Коротыш Биннингс.
Пёсик Хэмма.
Кэрол Катрир.
Ева Темпл.
Систер Темпл.
Дядюшка Плезент.
Вэл Зевьер.
Ви Талботт.
Лейди Торренс.
Джейб Торренс.
Шериф Талботт.
Дубинский.
Женщина.
Дэвид Катрир.
Сиделка Портер.
Первый Мужчина.
Второй Мужчина.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Пролог

Схематично выполненная декорация изображает интерьер универсального магазина и примыкающей к нему кондитерской в небольшом городке на юге США. Высокие стены, потемневшие у верха, словно тронуты сыростью и паутиной. За расположенным в глубине сцены запыленным окном — тревожная пустота, переходящая в сгущающиеся сумерки. Действие пьесы разворачивается в сезон дождей, ранней весной, из-за чего окно иногда делается вовсе не прозрачным и отсвечивает серебристой пеленой капель. На окне старомодным шрифтом золочеными буквами написано: «УНИВЕРСАЛЬНЫЙ МАГАЗИН ТОРРЕНСА».

Товары обозначены очень скупо и условно. Вертикально стоят рулоны намотанных на большие катушки хлопчатобумажных тканей, к тоненькой белой колонне зачем-то прислонен черный портновский манекен. Под потолком — неподвижный вентилятор со свисающими с него полосками клейкой бумаги от мух.

К лестничной площадке ведут несколько ступенек и пропадают вверх. На самой площадке стоит мрачного вида искусственная пальма в зеленовато-коричневом ящике для цветов.

Однако кондитерская, частично виднеющаяся за широкой арочной дверью, находится в романтическом полумраке, словно некий скрытый подтекст пьесы.

Другое, куда меньшее по размерам сценическое пространство, находится в нише, где помещается крохотная спальня. Ниша обычно задернута занавеской с выцветшим рисунком в восточном стиле, изображающим золотое дерево с ярко-красными плодами и фантастическими птицами.

При поднятии занавеса две молодящиеся женщины средних лет, Долли и Бьюла, накрывают легкий ужин а-ля фуршет на двух принесенных из кондитерской столиках со столешницами из мрамора с серыми и розовыми прожилками и с изящно изогнутыми черными железными ножками. Обе они — жены мелких плантаторов, разодетые в безвкусовые цветастые наряды.

Вдалеке слышится гудок поезда, в ответ на который в разных местах раздается собачий лай. Женщины замирают у столиков, а затем с резкими криками бросаются к арочной двери.

Долли. Коротыш!

Бьюла. Пёсик!

Долли. Скорый прибывает на станцию!

Бьюла. Быстрее туда, встречать поезд!

Тяжело шагая, появляются их мужья — грузные краснолицые мужчины в обтягивающей или мешковатой одежде и заляпанных грязью ботинках.

Коротыш. Я скормил «однорукому бандиту» сотню пятаков, а он выдал обратно только пять.

Пёсик. Наверное, несварение у него.

Коротыш. Поговорю-ка я с Джейбом насчет этих автоматов.

Мужчины выходят, раздается звук заведенного двигателя, который затем удаляется.

Долли. Похоже, у Джейба есть заботы поважнее, чем «однорукие бандиты» и бильярдные автоматы в кондитерской.

Бьюла. Сушая правда. Ходила я тут к доктору Джонни насчет Пёсика. У него снова сахар в моче. И, уже прощаясь, спросила у доктора, как прошла операция, та, что Джейбу Торренсу делали в Мемфисе. Ну, и...

Долли. И что же он ответил, Бьюла?

Бьюла. Самое ужасное, что только может сказать врач!

Долли. А именно?

Бьюла. Вообще ничего, ни единого словечка не произнес! Только взглянул на меня своими огромными темными глазами и головой покачал. Вот так!

Долли (*с мрачным удовлетворением*). Похоже, одним кивком он подписал Джейбу Торренсу смертный приговор.

Бьюла. Вот и я о том же подумала. По-моему, они его разрезали... (*Умолкает, чтобы попробовать что-то со стола.*)

Долли. И сразу обратно зашили! Так я слышала...

Бьюла. Не знала, что эти маслины с косточками!

Долли. А ты думала, они с начинкой?

Бьюла. Ну да. А где сестры Темпл?

Долли. Где ж им быть, по-твоему?

Бьюла. Шныряют где-нибудь наверху. Если Лейди их поймает, то покажет этим старым девам, где раки зимуют! Недаром же она итальянка!

Долли. Ха-ха, недаром! Верно сказано, дорогая... *(Выглядывает за дверь на проезжающую машину.)* Ну, я сама поразилась, когда поднялась наверх!

Бьюла. Наверх?

Долли. Наверх, и ты ведь тоже там была, потому как я тебя видела, Бьюла.

Бьюла. А я и не говорю, что не была там. Любопытство — оно в породе человеческой.

Долли. У них там отдельные спальни, и даже не рядом. Они в разных концах коридора, а вокруг сплошная темень и грязь! Знаешь, на что это похоже? На окружную тюрьму! Богом клянусь, никогда бы не подумала, что *так* могут жить белые люди! Вот так штука...

Бьюла. Да и неудивительно. Ведь Джейб Торренс купил эту женщину.

Долли. Купил?

Бьюла. Да, купил, когда она была восемнадцатилетней девчонкой! Купил, причем дешево, потому что ее бросил с разбитым сердцем этот *(резко поворачивает голову вслед проезжающей машине и продолжает)* парень по фамилии Катрир... Ох, какой же он... м-м-м... красавчик был... А они встретились, и словно камень о камень — так и вспыхнуло! Да... Вспыхнуло...

Долли. Что-что?

Бьюла. Огонь! Ха... *(Чиркает спичкой и зажигает свечу в одном из подсвечников. Слышатся*

нарастающие звуки мандолины. Последующий монолог должен произноситься как откровение, адресованное зрителям и всецело завладевающее их вниманием. Долли не остается в сценическом пространстве, и после нескольких первых предложений исчезает всякое восприятие диалога между персонажами.) Ну, было это давно, задолго до того, как вы с Пёсиком переехали в Двуречное графство. Хотя, может, что-то и слышали. Отец Лейди был макаронником из Италии, и когда он только-только сюда явился, то принес с собой лишь мандолину да обезьянку в зеленом бархатном костюмчике — ха-ха. Он играл в кабаках за четвертные и гривенники — еще до сухого закона... Его прозвали Итальяшкой, имени его никто не знал, вот и пристало к нему: Итальяшка да Итальяшка...

Долли (*тихо*). Ах-ха-ха...

Бьюла присаживается на стул и, чуть подавшись вперед, напряженно смотрит в зал, всецело завладевая вниманием зрителей. В ее интонациях грусть воспоминаний, и при первых признаках беспокойства публики она встает и выходит на авансцену. Этот монолог должен задать условную тональность всей постановке.

Бьюла. Подумать только, вот таким был папаша Лейди! Потом грянул сухой закон, и никто и ахнуть не успел, как Итальяшка принялся толкать из-под полы выпивку, будто всю жизнь только этим и занимался! Он по дешевке купил участок земли на северном берегу Лунного озера. Там проходило высохшее речное русло, а люди боялись, что однажды река снова хлынет туда, потому и от-

дали за бесценок... (*Придвигает стул ближе к авансцене.*) Разбил там сад, весь северный берег засадил виноградниками и фруктовыми деревьями. Потом понаставил беседок, маленьких таких деревянных белых беседок со столиками и скамейками, где можно было выпить и прочее... ха-ха! А весной и летом молодые парочки вроде нас с Коротышом заживали туда, чтобы уединиться, ха-ха, да и не только! Ха-ха!.. Тогда в округе достать спиртное было негде, не то что теперь. Нынче-то полметра сойди с дороги, свистни три раза, и тут же из кустов выскочит негр с бутылкой маисовой водки!

Долли. И то правда, ха-ха!

Бьюла. В то время по всей округе и вправду негде было взять выпивку, вообще нигде, только на винограднике у Итальяшки. И мы ходили к нему, попивали красное итальянское винишко в беседках, где откалывали такое... Вот помню, однажды в воскресенье старый доктор Тукер, тогдашний наш методистский пастор, чуть удар не схлопотал, когда с амвона распекал Итальяшку!

Долли. Господи помилуй!

Бьюла. Да-да, мэм! В каждой белой беседке стояло по лампе, и тут, и там, одна за другой лампы эти гасли, когда парочки принимались миловаться...

Долли. Ой-ёй!..

Бьюла. И там можно было услышать преинтересные звуки — вскрики, плач, шепот, стоны, смешки... (*Ее голос звучит тише из-за нахлынувших воспоминаний.*) А потом одна за другой лампы снова зажигались, и Итальяшка с дочкой играли

и пели итальянские песни... (*Мандолина звучит громче, голос поет «Скажите, девушки, подружке вашей».*) Но иногда Италияшка принимался искать дочку, а та внезапно исчезала!

Долли. И где же она была?

Бьюла. Да с Дэвидом Катриром.

Долли. О-о! Ха-ха-ха...

Бьюла. ...старшим братом Кэрол Катрир. Они с Лейди частенько прятались в саду, а старый папашка-Италияшка все орал: «Лейди, Лейди!» И ни словечка в ответ, как бы долго и громко он ее ни звал...

Долли. Ну, сдаётся мне, нелегко откликнуться «Папа, я здесь!», когда тебя обнимает любимый!

Бьюла. Так вот, той весной, нет, попозже, летом это было... (*Долли снова выходит из сценического пространства.*) ...Папашка-Италияшка совершил роковую ошибку. Начал продавать выпивку неграм. А ревнители порядка зевать не стали. Нагрянули как-то ночью с баками горячего — а лето засушливое выдалось — да и запылили! Всё дотла сожгли: виноградники, беседки, деревья фруктовые. Мы с Коротышом были в танцзале на другом берегу озера и видели, как все запыляло. Через десять минут весь северный берег превратился в море пламени, и оттуда по всему озеру разносился вой Италияшки: «Пожар! Пожар! Пожар!» А то люди без него не знали, ведь все небо пылало багровым заревом, что твое красное вино! Ха-ха-ха... И ни одной пожарной машины, ни одной не выехало из пожарной части Двуречного графства! Бедный Италияшка... Старикан схватил

одеяло, бросился в сад в одиночку огонь тушить, да так и сгорел заживо... Да-да! Заживо сгорел...

Звуки мандолины обрываются на полутакте. Долли возвращается к столу выпить кофе.

Знаешь, о чем я иногда думаю?

Долли. Нет, о чем?

Бьюла. Я иногда думаю-гадаю, подозревает ли Лейди, что ее муж, Джейб Торренс, был вожаком ревнителрей порядка в ту ночь, когда ее отца сожгли в виноградниках на берегу Лунного озера?

Долли. Бьюла Биннингс, от одной мысли об этом у меня кровь стынет в жилах! Как она могла двадцать лет прожить замужем за этим человеком, если бы знала, что тот сжег ее отца?

Вдалеке лает собака.

Бьюла. Могла, могла — ненавидя. Люди могут долго прожить бок о бок, ненавидя друг дружку. Приглядиись — они же жадные до денег. Я всегда подмечаю: когда муж с женой друг дружку не любят, они становятся жадными до денег. Никогда такого не замечала? Конечно же, замечала. Немного нынче пар, что весь век живут душа в душу. Так вот, иные до того доходят, что еле-еле друг дружку переносят. Разве не так?

Долли. Истинная правда, прямо как из Писания!

Бьюла. Еле-еле друг дружку выносят, а некоторые и до этого не доходят. Знаешь, Долли Хэмма, похоже, половина мужей-самоубийц в нашем округе вовсе не наложила на себя руки, как утверждает судебный следователь!

Долли (*искренне восхищаясь остроумием Бьюлы*). Дорогая, ты думаешь, что это женушки спровадили их к праотцам?

Бьюла. Я не думаю, я знаю. Ведь есть же пары, Долли, где людей воротит и тошнит от одного вида, запаха или голоса спутника жизни еще до того, как они прокомпостируют обратный билет во время свадебного путешествия.

Долли. Верить не хочется, а приходится.

Бьюла. Но они держатся друг за дружку.

Долли. Верно, держатся.

Бьюла. И так год за годом, год за годом, копят деньги и всякое имущество, наживают себе богатство, уважение и положение везде — в городке, в округе, в столице. В церкви, куда ходят, в клубе, который посещают, — везде-везде. И ни одна живая душа не ведает, что они моют руки, прикоснувшись к тому, чего только что касались пальцы благоверной или благоверного! Ха-ха-ха-ха!..

Долли. Бьюла, у тебя такой зловещий смех, что прямо жуть!

Бьюла (*громче*). Ха-ха-ха-ха! Но ты же знаешь, что это правда.

Долли (*кивает зрителям*). Да, правду она говорит.

Бьюла. Потом у кого-то... случается... рак или... или удар какой... или еще что-то... А другой или другая...

Долли. ...забирает себе добычу?

Бьюла. В точку — забирает добычу! Боже ты мой, это надо видеть, как он или она расцветает.

Новый дом, новая машина, новая одежда. Некоторые даже церковь меняют! Если это вдова, то заводит себе кавалера помоложе, а если вдовец, то начинает увиваться за какой-нибудь пташечкой, ха-ха-ха! Вот я так прямо и сказала Лейди сегодня утром, прежде чем она уехала в Мемфис, чтобы забрать Джейба домой: «Лейди, похоже, вы не откроете кондитерскую, пока Джейб окончательно не оправится после операции». А она отвечает: «Нельзя тянуть с открытием на такой долгий срок». Прямо так и сказала. Нельзя тянуть с открытием на такой долгий срок. Слишком много туда вложено. Там нужно все отремонтировать, заново отделать и открыть точно по расписанию в Страстную субботу. Почему? Да потому! Она знает, что Джейб вот-вот умрет, и хочет побыстрее навести в делах полный порядок!

Долли. Мысль ужасная, но верная. Почти все ужасные мысли — верные.

Женщины вздрагивают от внезапного смеха из задней части сцены. Освещение меняется, обозначая конец пролога.

Картина первая

Женщины оборачиваются и видят в арке между магазином и кондитерской Кэрол Катрир. Ей чуть за тридцать; Кэрол не назовешь хорошенькой, но она обладает какой-то странной неуловимой красотой, которая подчеркивается почти гротескным стилем наложения макияжа, коим танцовщица

по имени Валли недавно поразила французскую и итальянскую богему. Лицо и губы напудрены до белизны, еще больше подчеркиваемой подведенными черным ресницами и накрашенными синим веками. Ее семья — одна из старейших и именитых в округе.

Бьюла. Похоже, кто-то не знает, что магазин закрыт.

Долли. Бьюла?

Бьюла. Что?

Долли. Вот ты можешь понять, зачем люди так размалевываются?

Бьюла. Некоторым нужно выпендриться — хоть тресни, а надо чем-то к себе внимание привлечь.

Долли. Уж мне такое внимание точно не нужно. Не надо мне его...

Во время этого диалога, достаточно громкого для того, чтобы Кэрол его слышала, она подходит к телефону-автомату и опускает монетку.

Кэрол. Дайте Тулейн 0370 в Новом Орлеане. Что? Ой, обождите минуточку.

По лестнице медленно, словно испытывая от появления Кэрол благоговейный страх, спускается Ева Темпл. Кэрол со звоном открывает кассу, берет несколько монет, возвращается и опускает их в телефон-автомат.

Бьюла. Она взяла деньги из кассы.

Ева проходит мимо Кэрол, как испуганный ребенок мимо клетки со львом.

Кэрол. Здравствуйте, Систер.

Ева. Я Ева.

Кэрол. Здравствуйте, Ева.

Ева. Здравствуйте... (*Затем громким шепотом Бьюле и Долли.*) Она взяла деньги из кассы.

Долли. Ой, да она делает все, что заблагорассудится, она ведь Катрир!

Бьюла. Т-ш-ш...

Ева. А что это она босиком?

Бьюла. Говорят, когда ее в последний раз арестовали на улице, она была в пальто на голое тело.

Кэрол (*телефонистке*). Жду. (*Затем женщи-нам.*) У меня каблук попал между прогнившими досками тротуара и сразу же сломался. (*Поднимает руку, в которой держит туфли.*) Говорят, что если утром сломаешь каблук, то до заката встретишь любовь всей своей жизни. Но когда я сломала каблук, уже стемнело. Может, это значит, что я встречу любовь своей жизни до рассвета. (*У нее на удивление звонкий голос, как у ребенка. На лестничной площадке появляется Систер Темпл со старой вафельницей в руках.*)

Систер. Это они?

Ева. Нет, это Кэрол Катрир!

Кэрол (*в трубку*). Пожалуйста, вызывайте еще, он, наверное, пьяный.

Систер проходит мимо нее так же, как Ева.

Иногда приходится долго пробираться между мебелью в гостиной...

Систер. Она опять вырядилась?

Ева. Угу!

Кэрол. Бerti? Это Кэрол! Привет, дорогой! Ты обо что-то споткнулся? Я слышала грохот.